

в тогдашнем человеческом обществе заслужила им у всех высокое почтение и... народам, кои наилучший успех пред прочими в них имели, приобрели они крайнее прославление». В стихах «древность описывала храбрые и славные дела великих людей, наставляла к добродетели и человеческие исправляла нравы, философические предлагала догматы, полагала уставы к получению от правосудия как истинного благополучия, так и спокойного сожития, записывала прошедшие бытия и достопамятные приключения». Но так было некогда. Теперь, в условиях современности, в условиях общественного бездействия, поэзия утратила и силу приносить гражданскую пользу, и величие, хотя она могла бы и теперь быть тем, чем была в древности. «Сия многодельная должность стихов в древности и получаемая тогда от них несказанная польза была бы и в наши дни рабыни важности и толикого ж почтения, ежели бы ныне не отняты у поэзии были все оные толь высокие преимущества»; теперь высокие функции перешли к деловой прозе, а стихам оставили только «оды, трагедии, комедии, сатиры, элегии, эклоги, басни, песенки». «Ясно вам видеть можно, государь мой, что прежде стихи были нужное и полезное дело, а ныне утешения и веселая забава, да к тому же плод богатого мечтания к заслужению не того вещественного награждения, которое есть нужно к препровождению жизни, но такого воздаяния, кое часто есть пустая и скоро забываемая похвала и слава». Естественно, что теперь, заключает Тредиаковский о стихах, «нет поистине ни самая большая в них нужды, ни от них всемерно знаменитая пользы». Остается уделить стихам лишь украшающую функцию, лишь роль культурной утехи для знати, и Тредиаковский с явной болью душевною принужден допустить эту роль (недаром его воображаемый адресат — вельможа): «Однако и при том утверждаю, что они (стихи, — Г. Г.) надобны, и надобны постольку между науками, украшающими разум и слово, поскольку между отгоняющими всякую воздушную обиду или, правее, между защищающими от оных поселянскими хижинами — покойные, красные и великолепные знаменитых и пресловутых городов палаты; или уже поелику между учениями словесными надобны стихи, поколику фрукты и конфеты на богатый стол по твердых кушаньях». Есть науки, просвещающие ум, исправляющие сердце, а есть и такие, которые «украшают разум, увеселяют око, утешают слух, вкус услаждают»; первые «гражданству... крайнюю приносят пользу», другие «возбуждают к веселью» своим формальным искусством, «чрез борьбу остроумных вымыслов, чрез искусное совокупление и положение цветов и красок, чрез удивительное согласие струн, звуков и пения». Без сомнения, Тредиаковский презирает это искусство дворцов, искусство пустого изящества форм, и мечтает об искусстве простых хижин, о «твердой пище» древней гражданской поэзии, приносящей крайнюю пользу обществу. Его статья — это обвинительный акт ничтожной совре-